

(115 чел.), Курумканском (100 чел.), Селенгинском (98 чел.), Хоринском (98 чел.), Кижингинском (90 чел.) и Кабанском (90 чел.) районах.

Сложившееся социально-экономическое положение в республике в целом характеризуется незначительным ростом по сравнению с предыдущими периодами. Подтверждением этому являются следующие показатели: оборот организаций республики в январе-ноябре 2007 г. составил 121435,9 млн. рублей и увеличился по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 17%. Индекс промышленного производства достиг 110% [5]. Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), с учетом данных кредитных организаций (филиалов) других регионов в январе-октябре 2007 г. по сравнению с январем-октябрем 2006 г., возросли на 12,1%.

Средняя номинальная заработная плата, начисленная в октябре 2007 г. в крупных, средних и малых организациях (с учетом дорасчета), по предварительным данным, равнялась 11540 рублям и уменьшилась по сравнению с предыдущим месяцем на 0,4%, октябрём 2006 г. – увеличилась на 21,2%. Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в октябре 2007 г. соответствовала 98,2% к уровню сентября 2007 г., к уровню октября 2006 г. – 112%.

Постоянные динамические изменения происходят в демографической сфере. Численность постоянного населения республики на 1 января 2007 г. составила 960 тыс. человек, из них городское – 529,6 и сельское – 430,4 тыс. человек. За январь-октябрь 2007 г. продолжился процесс сокращения численности населения из-за миграционной убыли, которая составила 2,4 тыс. человек. Вместе с тем естественный прирост населения частично компенсировал численные потери населения республики на 2,1 тыс. человек, или 87,9%. В результате число жителей республики с начала 2007 г. сократилось на 0,3 тыс. человек (в 2006 г. – 2,7 тыс. человек).

Экономические, социальные и демографические показатели прямым образом взаимосвязаны с показателями сферы занятости населения, отражаются на его социальном самочувствии. Вместе с тем фиксируемый уровень общей безработицы в республике остается достаточно высоким по отношению к среднероссийским (7-8%) показателям. Безусловно, это должно оставаться ориентиром для эффективной реализации Программы социально-экономического развития региона, куда системно входят и генеральная схема создания и сохранения рабочих мест, и региональные программы содействия занятости населения. Комплексный подход в работе органов по труду и занятости, учитывающий взаимосвязь и взаимообусловленность образовательной, профессиональной сфер, потребности и состояние регионального рынка труда, является обязательным условием успешной реализации политики занятости в регионе.

Литература

1. Кязимов К.Г. Рынок труда и занятость населения. М.: Перспектива, 2005. – С. 7-8.
2. Там же. – С. 136.
3. Социально-экономическое положение Республики Бурятия в январе-ноябре 2007 года <http://buriyatstat.narod.ru>
4. <http://egov-buryatia.ru>
5. <http://egov-buryatia.ru>

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ЖЕНЩИН-МАТЕРЕЙ НА ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА Б.В. Хараев

Статья посвящена оценке влияния изменения возрастной структуры женщин на повышение рождаемости в Республике Бурятия в начале XXI в.

THE INFLUENCE OF CHANGE OF AGE STRUCTURE OF WOMEN-MOTHERS ON INCREASE OF BIRTH RATE IN REPUBLIC OF BURYATIA IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY B.V. Kharayev

The article is devoted to an estimation of influence changing age structure of women on increase of birth rate in Republic of Buryatia in the beginning of XXI century.

Сегодня очевидные негативные последствия современного развития основных социально-демографических процессов в Российской Федерации не только вывели связанные с этим вопросы в

ряд наиболее дискуссионных и обсуждаемых тем научного поиска, но и вызвали необходимость расширения «демографических» компонент в системе политического управления Российского государства и на общегосударственном, и на региональном уровне его субъектов. Следует подчеркнуть, что проведение активной демографической политики, в том числе и в целях формирования более высокого по сравнению со сложившимся в 1990-е гг. уровня рождаемости, является, скорее, чем-то вроде «осознанной необходимости», нежели «свободным выбором».

В силу того, что сложившиеся в 1990-е гг. режим и уровень рождаемости приобрели устойчивый характер, проблема естественного воспроизводства российского населения уже неоднократно в оценках и ученых, и политиков определяется как проблема национальной безопасности. Одним из определяющих путей решения данной проблемы выступает позитивное изменение режима рождаемости. Возникает вопрос «Насколько это возможно?»

В связи с этим остановимся на оценке демографических эффектов компенсационной рождаемости. Впервые тема повышения рождаемости после затяжного общественного кризиса была рассмотрена в работах американских и французских демографов при изучении «беби-бума» после окончания II мировой войны [1].

В ходе изучения данных об уровне и структуре рождаемости населения стран, активно участвовавших в двух мировых войнах, удалось установить, что с началом войны рождаемость резко снижалась, при этом в общей структуре рождаемости также резко снижалось участие наиболее активных возрастных групп женщин. За счет этого в военный период формировались малочисленные возрастные когорты, а в дальнейшем возникал эффект демографической волны, когда у «военных детей» рождалось следующее малочисленное поколение. Сразу после окончания войны, в течение 1-2 лет, в результате воссоединения семей, а также повышения брачности уровень рождаемости достигал довоенных показателей и иногда превышал их. В результате все потенциальные деторождения, которые не могли осуществиться из-за войны, концентрировались и реализовывались почти одновременно. Естественно, здесь необходимо принимать во внимание и фактор военных потерь, в результате которых деформируются и брачно-семейная структура, и режим рождаемости.

К сожалению, трагичная история нашей страны наиболее наглядно запечатлена в демографических характеристиках населения. В половозрастной пирамиде населения нашей страны и республики видны провалы поколений военного времени, а также вызванные этим негативные трансформации населения в 1960-е гг.

На первый взгляд, последствия общественного переустройства в 1990-е гг. имеют схожие признаки демографического неблагополучия, также как и в военное лихолетье. Однако в отличие от военного времени снижение рождаемости не носило вынужденный характер, к тому же отсутствует фактор преждевременной смертности значительного числа молодежи.

В то же время, с точки зрения ряда отечественных исследователей, в начале 1990-х гг. быстрое понижение рождаемости стало реакцией населения на снижение жизненного уровня, при этом наблюдался не полный отказ, а сознательное откладывание рождения детей. Поэтому можно предположить, что сегодня возможно некоторое повышение рождаемости под влиянием реализации таких отложенных рождений.

Определенное подтверждение данной гипотезы было установлено в ходе проведения ряда социологических исследований, проведенных в разных российских регионах, в том числе и в нашей республике. Здесь необходимо подчеркнуть, что резкое снижение рождаемости в 1990-е гг. привело к тому, что в Республике Бурятия не обеспечивается простое воспроизводство населения. Сегодня суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной в течение всей жизни) составляет 1,42, при необходимом показателе – 2,15. За 17 лет рождаемость в расчете на 1000 человек населения снизилась с 21,8 промилле в 1988 г. до 14,1 в 2005 г. Вместе с тем уровень рождаемости в Республике Бурятия оставался выше, чем в целом по Российской Федерации, где среднегодовая рождаемость в последние годы колебалась от 10 до 10,4 рождения на 1000 человек населения.

По данным проводившихся в 2003-2004 гг. Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по заказу Министерства труда и социального развития Республики Бурятия социологических исследований, в республике среди женщин в возрасте 24-35 лет значительная часть ориентируется на рождение 2 и более детей. Так, в зависимости от социальной и этнической принадлежности, места проживания женщина репродуктивного возраста ориентируется на рождение 2 детей (45-55%), примерно 15-20% – на рождение 1 и 3 детей. Около 5% составляют сторонницы многодетно-

сти. Примерно 1,5-2,5% опрошенных женщин по каким-то причинам считают оптимальной для себя семью без детей. При этом абсолютное большинство опрошенных составили женщины, не имеющие детей (32,6%) или имеющие 1 ребенка (30,5%). Двух детей имели на момент опроса 28,5% женщин и абсолютное меньшинство составили женщины, имевшие 3 и более детей – 5,7%.

В сложившемся в 1990-е гг. режиме естественного воспроизводства основную группу новорожденных составляли первенцы. Только с 2002 г. повышение уровня рождаемости в условиях стабилизации социально-экономической ситуации сопровождается ростом доли вторых и третьих по порядку рождения детей.

В этой связи при условии устойчивого социально-экономического роста можно прогнозировать некоторый рост качественного уровня рождаемости, что и подтверждается в некоторых муниципальных образованиях республики.

Для адекватной оценки возможности повышения рождаемости в РФ в целом требуется обратить внимание на некоторые существенные различия в режиме рождаемости нашей страны и большинства государств, находящихся в зоне депопуляции. Это важно, поскольку на внешнем сходстве показателей рождаемости России и развитых европейских государств строится множество спекулятивных теорий о «необратимости» или даже «прогрессивности» снижения рождаемости в нашей стране.

На наш взгляд, кардинальное отличие режима рождаемости в России от других развитых стран при сопоставимых итоговых показателях (например, суммарном коэффициенте рождаемости) заключается в том, что основная нагрузка естественного воспроизводства населения распределяется на наиболее молодые когорты россиянок 20-29 лет, с последующим резким снижением рождаемости в каждой следующей возрастной группе. Тогда как в других странах, находящихся в зоне депопуляции, демографическая нагрузка воспроизводства распределяется более равномерно по всей длине репродуктивного периода. При этом самая молодая когорта западных женщин (16-19 лет) рождает в 2-4 раза реже, чем россиянки, а пик рождаемости приходится не на группу 20-24-летних, а на группу 25-29-летних женщин.

Здесь можно предположить, что режим малодетности во многом является следствием ограниченности реализации установок на рождение детей под воздействием негативных внешних факторов, поскольку основной массив деторождения сконцентрирован на крайне узком возрастном промежутке, даже по сравнению со странами Западной Европы. К этому следует добавить, что более равномерное распределение рождаемости по возрастной структуре матерей в странах Западной Европы, а также Северной Америки и Японии, делает малоэффективной традиционную демографическую политику через прямое экономическое стимулирование.

В отношении нашей страны компенсационный эффект повышения рождаемости существенно трансформирует возрастную материнскую структуру при условии реализации установок на рождение 2 и следующих по порядку рождения детей. В этом случае в формировании итогового уровня рождаемости более или менее равное участие должны принять три возрастные группы женщин: 20-24 лет, 25-29 лет и 30-34 лет.

Необходимо подчеркнуть, что определенное повышение рождаемости, которое наблюдается и в РФ, и в Республике Бурятия, с начала 2000-х гг. объективировано вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения 1980-х гг. рождения, которое, кстати говоря, во многом сформировалось под влиянием активной демографической политики, проводившейся в СССР в этот период. В то же время практически исчерпан потенциал рождаемости женских когорт 2-й половины 1960-х гг. и 1-й половины 1970-х гг. рождения. С учетом превалирования однодетных семей у 30-40-летних женщин можно предположить, что значительная часть отложенных в 1990-е гг. рождений так и останется нереализованной.

Необходимо отметить, что в условиях завершенного демографического перехода к малодетной семье (1-2 ребенка) усиливается значение сохраняющихся установок на среднететный (3-4 ребенка) и многодетный (5 и более детей) состав семьи в ряде регионов РФ, в том числе и в Республике Бурятия. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Бурятия, 4,4% женщин до 35 лет, указавших число рожденных детей, родили 3 и более детей, в целом по РФ данный показатель составил 2,7%.

Расширение мер активной социальной поддержки институтов семьи и материнства в соответствии с инициативами Президента РФ в данном контексте способствует проявлению социально-экономической компенсации социальных рисков, связанных с рождением детей 2 и более высоких по-

рядков. Очевидно, что в современных условиях большинство российских семей не может обойтись без существенной социальной помощи государства при рождении двух и более детей. Достаточно отметить выпадение доли доходов женщины из семейного бюджета в период беременности и ухода за новорожденным ребенком. Исследования в США и странах Западной Европы выявили устойчивое снижение профессиональной квалификации женщин в течение первых 10-12 лет после рождения ребенка, соответственно снижается их занятость на производстве. Компенсацию падения занятости женщин обеспечивает так называемый эффект «рабочей силы отца», когда доля занятых в двух и более местах женатых мужчин растет с 6% при отсутствии детей до 11,3% при наличии 2 и более детей [5]. Для наших социальных условий сегодня помощь со стороны государства призвана сформировать эффект компенсирующей рождаемости в социальных группах стоящих на нижней границе среднего класса, а это почти все бюджетники.

Остановимся на некоторых социальных факторах, которые могут оказать негативное воздействие на возможное повышение рождаемости вторых и третьих детей. Во-первых, неустойчивость семейно-брачной структуры. В условиях снижения брачности и обратного повышения разводимости рождаемость своеобразно ограничивается возрастом вступления в первый брак (опять-таки возраст 20-24 лет). Во-вторых, специфика формирования репродуктивного сознания и поведения населения. К сожалению, Россия до сих пор остается одной из немногих стран, претендующих на определение «развитой», где аборт остается основным средством предохранения от нежелательной беременности. Проблема вторичного бесплодия женщин остается открытой и слабоизученной темой в социально-демографическом контексте. В-третьих, при очевидной адресности обращения о повышении рождаемости остается вне рамок анализа влияние социальной дифференциации общества. Компоненты стимулирования рождаемости, на наш взгляд, не учитывают особенности географического расселения, национальной принадлежности, уровня образования и ряд других факторов, которые прямо или косвенно влияют на участие разных социальных групп женщин в процессе воспроизводства населения.

Таким образом, при благоприятном изменении динамики и структуры рождаемости, связанной с проявлением компенсационных эффектов, можно ожидать выравнивание возрастной материнской структуры и более равномерное распределение рождаемости хотя бы по всем наиболее активным возрастным группам женщин. При неблагоприятных сценариях развития закрепляется тенденция абсолютного доминирования рождений первенцев и деформированная структура рождаемости по возрасту матерей. В этом случае депопуляционный тренд окончательно приобретает устойчивый характер, что ведет к быстрому сокращению численности населения страны при ухудшении его качественного состава уже в обозримой исторической перспективе.

Литература

1. Вандескрик К. Демографический анализ. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. – С. 195-197.
2. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. – М., 2005.
3. Стабилизация численности населения России. – М.: Центр социального прогнозирования, 2001. – С. 113-114.
4. Рассчитано по материалам «Итоги Всероссийской переписи населения». Т. 12. Рождаемость. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.
5. Simon J.L. The Economics of Population. 1977.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ З.А. Бутуева

Статья посвящена проблемам продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте. Рассмотрены потребности пожилых людей в трудовой деятельности и возможности использования их труда.

THE ELDERLY PERSON IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF CONTINUATION OF LABOR ACTIVITY

Z.A. Butueva

The article is devoted to the problem of labor activity continuation for elderly people. It considers elderly people demands in labor activity and opportunities of application at job places.

Нарастающий процесс демографического старения, трансформация ценностей общества обуславливают неоднозначность подходов к продолжению трудовой деятельности пожилого поколения на совре-